

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Ю.А. Сорокин “АЗБУКА КЛАССИКИ” ИЛИ АЗБУКА ПОГРЕШНОСТЕЙ?

© 2001 г. Ю.А. Сорокин

Институт Языкознания РАН

1. Этот вопрос я задал себе, когда прочитал книгу Гань Бао “Записки о поисках духов” (СПб., 2000 г.; перевод Л. Меньшикова), изданную в серии “Азбука классики”, претендующей на ознакомление читателей с художественными произведениями, считающимися шедеврами. Иными словами, с книгами, идеальными в формальном (стилистическом) и содержательном (понятийном и тропологическом) отношении.

2. У книги Гань Бао есть и художественный редактор (Илья Кучма), что свидетельствует о том, что она не была безнадзорной. И все-таки ее словесно-когнитивная (и когитивная) фактура меня смущает. Наверное, потому, что в ней нет внутреннего равновесия, того психосхазиса, о котором пишет В.И. Самохвалова [14, 102-103] и который, в свою очередь, является следствием того, что можно было бы назвать вербосхазисом – когерентностью когитивно-когнитивных связей. Говоря иначе, наблюдаются сдвиги в “длине контекста”, под которым подразумевают “...такой объем текста оригинала, которому можно указать притязающий на художественную эквивалентность объем текста в переводе...” “длина контекста” может быть очень различной – словом, синтагмой, фразой, стихом, строфой, абзацем и даже целым произведением. Чем меньше длина контекста, тем “буквалистичнее”...перевод” [4, 45-46]¹.

¹ По-видимому, допустимо считать, что наряду с длиной контекста существует и глубина контекста: конгруэнтность вербо-смысловых и когитивно-когнитивных связей, свидетельствующих о мере цельности художественного коммуниката и о его специфической ментальной конфигурации. Чем больше глубина контекста, чем он ментально конфигуративнее – тем меньше поддается переводческой трансплантации.

Как это ни парадоксально, но самые глубокие контексты являются периферийными: “...наиболее “горячими” точками семообразовательных процессов являются границы семиосферы. Понятие границы двусмысленно. С одной стороны, она разделяет, с другой – соединяет. Она всегда граница с чем-то и, следовательно, одновременно принадлежит обеим пограничным культурам, обеим взимопроникающим семиосферам. Граница би –и полилингвистична. Граница – механизм перевода текстов чужой семиотики на язык “нашей”, место трансформации “внешнего” во “внутреннее”, это фильтрующая мембрана, которая трансформирует чужие тексты настолько, чтобы они вписывались во внутреннюю семиотику семиосферы, оставаясь, однако, инородными” [9, 183]²³.

² На мой взгляд граница/периферия – это и локус/фрагмент когиосферы и когниосферы. Для каждого такого локуса характерна своя семиотическая (когио-когнитивная) агрессия, позволяющая расширить сферу своего пребывания. Деформации в целостности / ментальной конфигурации переводного художественного коммуниката являются свидетельством его сопротивления чужой конгруэнтности и степени ее ассимиляции). В инородном, привносимом переводе, “...получает свой голос невыговариваемое...” [18, 249] а, точнее говоря, недоговариваемое, что не может не восприниматься как нарушение правил художественного общения, коммуникативно-поведенческий сбой в сфере допускаемых ментальных поступков. Иными словами, соотношение проговариваемого и недоговариваемого в переводном тексте является показателем успешности освоения чужой когио- и когниосферы.

³ Особенно сложно выглядит это соотношение в поэтических текстах, подталкивая к тому, чтобы считать их непереводаемыми или переводимыми условно. Что, например, недоговорил Л. Губанов в следующем четверостишии: “Сегодня посох бредил постным, // и, отряхая яблонь сплин, // твои глаза настали поздно, // а губы вовсе не взошли?” [5, 300].

Вне всякого сомнения помехой к усвоению чужой когито- и когниосферы является тот факт, что "...наиболее нас удовлетворяющие художники слова, Шекспир и Гейне, это как раз те, которые умеют подогнать или приладить свою глубочайшую интуицию под естественное звучание обыденной речи. В их творчестве отсутствует впечатление напряженности. Их индивидуальная интуиция представляется законченным синтезом абсолютного искусства интуиции и индивидуализированного искусства, присущего языковому средству выражения. Читая, например, Гейне, мы впадаем в иллюзию, что весь мир говорит по-немецки. Материал "исчезает" [15, 198]. Исчезает именно потому, что он в высшей степени ограничен, существует как совокупность "мягких" (сугубо индивидуальных) коммуникативных знаков, стремящихся быть сложноорганизованной единичностью/уникальностью, чья структура соответствует правилам "местного" лингвокультурального "отелевечевания" [см. по этому поводу: 7, 62-64, 70, 74]. Показательно также, что, по мнению М.К. Мамардашвили, "не в коммуникации, в "телесном" emdement символически ["располагается" – Ю.С.] артикулированное знание о поведении мира (отличное от определяемых и коммуницируемых значений, являющихся их условием и порождающей основой, "незнаемо знаемой") и неотделимое от языковой конструкции, или, вернее, "языка тела" (хотя и отделимое от субъекта). Общение – ...конструирование себя им, а не понимание друг друга. "Не существует отдельно от тела" – означает, что в том числе и в языковых правилах и нормах. Существование этого как топоса, места общения, конституирующего общающихся, и порождает иллюзию, что средства коммуникации сообщают о самих себе, содержат себя, а не о чем-нибудь другом вне их" [10, 86-87]⁴.

⁴ Соглашаясь в целом с этими утверждениями М.К. Мамардашвили, все-таки уточним некоторые его положения. Если "язык тела" неотделим от субъекта X, то он также неотделим и от субъектов Y и Z, вынужденных соглашаться с универсальными вербальными правилами и нормами, предписанными всем троим. Тем самым, конструируя себя/нечто отдельное, они конструируют, тем самым, и нечто общее/себя в других. Именно это и конституирует. Но что же конституирует переводчика? По видимому, он конституирует не себя/не нечто отдельное (хотя противоположные случаи тоже бы-

3. Учитывая вышесказанное, попытаемся установить, какова же фактура предложенной в "Записках" переводческой трансплантации, вызывающей впечатление ее внутреннего неравновесия.

Во-первых, излишне инородными/квазисигнализирующими о культуральной специфике (ибо она вполне может быть натурализована) являются единицы – меронимы типа: "...поймал огромную змею длиной в несколько чжанов" (с. 46), "...достаньте кувшин очищенного вина и один цзинь мяса" (с. 60), "...углубившись в землю на восемь чи...", "...захоронили в двадцати ли от городской стены" (с. 62), "...в нескольких десятках бу от входных ворот..." (с. 63), "...взял три доу мелкой фасоли..." (с. 63), "...когда растолкут зерна один дань, получают три доу отборного риса..." (с. 66), "...закопано в восточной части дома на один чжан от стены и на девять чи от поверхности" (с. 68), "...изрыгнула не менее доу черной крови", "и так проделано было до пятидесяти ли" (с. 69), "...держа в двух-трех цунях от отверстия язвы", "...настоящая змея, длиной не более трех чи...", "пусть возьмет...три шэна и все выпьет" (с. 70) (см., например, также с. 92, 119, 122-123, 131, 197).

Таковыми же являются, на мой взгляд, и весьма обильно представленные в переводе хрононимы типа: "В день чень первой декады первой луны выходили на берег пруда...", в день сы первой декады третьей луны играли на музыкальных инструментах" (с. 50), "в день мао на юг от места, где косят пшеницу...", "в час чэнь передали, что у Э заболело сердце, в час сы – что Э при смерти..." (с. 209). Видимо, понимая, что эти фрагменты когнитивно непрозрачны, переводчик "Записок" пытается создать иллюзию исчезновения материала за счет комментирования, но почему-то выборочного: "Чэнь – восточная часть лунной орбиты, переносно – Луна" (с. 366) (поясняется следующий фрагмент: "Согласно "Небесным светилам", планета Чэнь является Лошадиной звездой" (с.

вают), а, скорее всего, нечто полубщее между ним и автором исходного текста, нечто, принадлежащее своему и чужому идиостилю).

184)), “Чэнь – время от семи до девяти часов утра” (с. 366), сы – время от 9 до 11 часов дня” (с. 337). Как истолковывать “день чэнь”, “день сы” и “день мао” – остается неясным, но все-таки попробуем разобраться со смыслом хотя бы первого словосочетания. В “Большом китайско-русском словаре” лексема *чэнь* поясняется следующим образом: “...1) чэнь...знак Дракона; 5-ый...; 2) год Дракона...; 3) третий месяц (по лунному календарю); май (по солнечному); время от 7 до 9 часов утра; 5) Весы...” (Большой китайско-русский словарь, 1984, с. 855, № 9669). Таким образом, оказывается, что “день чэнь” можно было бы перевести – с учетом контекста – как день Дракона или день Весов. И такие варианты стилистически и содержательно выигрышны. Не исключен и вариант “в день пятый”⁵.

Вряд ли можно признать удовлетворительным решением сохранение в переводе таких экзотизмов, как *чжан*, *цзинь*, *дань*, *доу*, *чи*, *ли*, *бу*, *цунь*, *шэн*, а также их истолкование: “чжан – мера длины, несколько более трех метров...” (с. 360), “цзинь – мера веса, ок. 0,5 кг.” (с. 353), “дань – мера объема в десять доу (около 103 л.)” (с. 312), “доу – китайская мера объема, несколько более 10 л.” (с. 314), “чи – мера длины, несколько более 30 см. (10 цуней)” (с. 365), “ли – мера длины, ок. 5 км.” (с. 322) (но ср.: “Ланьяньшань – гора в 100 ли (50 км.) к югу от уездного центра...” (там же), “бу – древнекитайская мера длины в два шага, ок. 1,5 м.” (с. 303), “цунь – мера длины, несколько более 3 см.” (с. 358), ср. также и такое антипрецизионное истолкование: “Цянь – мелкая китайская медная монета” (с. 359), “шэн – мера объема, 1/10 доу, несколько больше литра” (с. 370).

Эти меронимы / ПРЕЦИЗИОНИЗМЫ вряд ли способствуют тому исчезновению материала, о котором писал Э. Сепир. Они используются в этом и в других переводах лишь потому, что их принято считать метками, указывающи-

ми на лингвокультуральную специфику китайских текстов. Но в этом позволительно усомниться, что подтверждается истолкованием вышеуказанных прецизионизмов: “около” и “несколько более/несколько больше” указывают на условный характер точности, которая может быть представлена и в другом (неавтохтонном) виде.

К тому же следует учитывать и следующее: в художественной литературе хронотопические и нумерологические координаты зачастую используются лишь как имитаторы достоверности, суггестемы особого рода, усиливающие веру в “достаточные основания” возможного мира. Иными словами, это единицы могут быть “пересчитаны”, что, на мой взгляд, отнюдь не наносит ущерба переводному тексту, натурализируя его и, тем самым, позволяя сфокусировать внимание на глубине контекста (на смыслах описываемых автором ситуаций)⁶.

Во-вторых, спорным представляется сохранение и еще одной группы экзотизмов – амбивалентных по своему характеру, а именно девизов царств/эр правления в том их виде, в каком предложил это сделать переводчик. Вот их неполный перечень: “...в третью луну третьего года под девизом Чжэн-хэ...” (с.127), “...в правление императора Хуй-ди под девизом Юань-кан...” (с. 163), “во время правления Ханьского императора Сянь-ди под девизом Цзянь-ань...” (с. 192), “в царстве У в третий год правления под девизом Чи-у...” (с. 214), “в государстве Вэй в годы под девизом Цзин-чу...” (с. 245). Приведем и разъяснения переводчика: “Чжэн-хэ (92-89 гг. до н.э.) – девиз годов правления Ханьского У-ди (140-87 гг. до н.э.)” (с. 364), “Юань-кан (291-299 гг.) – девиз годов правления Цзиньского императора Хуй-ди (290-306 гг.)” (с. 371) (см. в связи с этим также: Китайско-русский словарь, 1952, с.885 и 887), “Цзянь-ань (196-220 гг.) – де-

⁵ На мой взгляд, “день чэнь” – составной знак: это и хрононим, и мифоним – зодиаконим, и астроним (если иметь в виду Весы).

⁶ Говоря о глубине контекста, я имею в виду его внутреннюю глубину [см. в связи с этим, в частности: 13, 75-78], предполагающую недоговоренность, характерную для любого художественного текста).

виз годов правления последнего государя периода Хань Сянь-ди (189-220 гг.)” (с. 356), “Чи-у (238-250 гг.) – девиз годов правления Сунь Цюаня (на троне в 222-252 гг.) в царстве У периода Троецарствия” (с. 365), “Цзин-чу (237-239 гг.) – девиз годов правления Мин-ди (227-239 гг.) в царстве Вэй периода Троецарствия” (с. 352).

Как следует из этих примеров и комментариев к ним, эту группу экзотизмов позволительно рассматривать и как хрононимы, и как МЕЛИОРАТИВЫ, а, точнее говоря, в качестве СИНКРЕТИЧЕСКИХ ИМЕН, позволяющих соответствующим образом форматировать их. В “Словаре-указателе” к “Запискам” подчеркивается их хрононимический аспект, в самих “Записках” они носят замаскированно мелиоративный характер, отрезающий возможность использования их образно-стилистического потенциала. Например, вместо “под девизом Чэн-хэ” можно было бы сказать “под девизом Справедливости и Согласия/Справедливости и гармонии”, а вместо “под девизом Юань-кан” – во времена, названные “Корнями Прорастания/Мира/Преуспения”.

Несколько иная картина – и это, в третьих, – наблюдается в группе антропонимов, а, точнее, добавочных имен, широко используемых в “Записках” Гань Бао. Относительно них Л. Меньшиков пишет следующее: “Китайские имена, когда они состоят из двух слогов, оказываются легко делимы, и в тексте рассказа часто при вторичном упоминании называется только последний слог имени. Этим и объясняется несколько необычная система написания имен (второй слог через черточку и с большой буквы, как элемент, могущий фигурировать самостоятельно)” (с. 288). В результате такого подхода в переводе появляются нижеследующие онимические ряды: “Цзо Цы, другое имя которого было Юань-Фан...” (с. 31), “Го Пу, по второму имени Цзин-Чунь...” (с. 63), “Ми Чжу, по второму имени Цзы-Чжун...” (с. 81), “...Цай Мао, по второму имени Цзы-Ли...” (с. 133), “...Фань Ши, Цзюй-Цин, по второму имени...” (с. 156), “Хэ Юй, по второму имени Янь-Цзюй...” (с. 198), “Чжан

Хуа, второе имя которого Мао-Сянь...” (с. 250), “...Пан Ци, по второму имени Цзы-Цзи...” (с. 280) (см. также: с. 58, 71, 131, 141, 142, 143, 145, 147, 206, 208, 210, 230, 340, 249, 276).

Исходя из логики переводчика и опираясь на приведенные примеры, следует считать словосочетания Цзо Цы, Го Пу, Ми Чжу, Цай Мао, Фань Ши, Хэ Юй, Чжан Хуа, Пан Ци основными именами, отличающимися от добавочных лишь “маркировкой”: в первом случае – “воздухом”/пробелом, во втором – дефисом. Но эту логику можно оспорить, ибо не менее правомерно и другое решение: писать и основные, и добавочные имена слитно. Такое их существование в русской семиосфере отнюдь не означает, что они теряют свою инородность. К тому же не следует исключать и интерференции вторичных имен с некоторыми другими, а именно с антропонимами – СТАТУСИВАМИ, ибо ни заглавное написание элементов антропонимической формулы, ни строчное написание второго элемента в статусивной формуле не являются гарантией различения первых имен от вторых. См.: “Цзо Цю, другое имя которого было Юань-Фан, родом из Луцзяна, в молодости проник в тайны духов. Однажды Цао-гун устроил пир. Гун сказал, с улыбкой оглядев гостей...” [3, 31]. Ср. с этим фрагментом и: “Го Пу, по второму имени Цзин-Чунь, отправился в Луцзян и посоветовал правителю этого округа Ху Мэн-Кану как можно скорее присоединиться к переправившемуся на юг”. Кан его не послушал. Пу уже собирал пожитки...” [3, 63].

Этот второй фрагмент очень показателен, и, являясь “копией” многих других, позволяет считать, что 1) вторичные имена – факультативны, 2) в основных именах (в данном случае в словосочетании Го Пу) идентифицирующим считается второй элемент (хотя вполне оправданна опора и на первый; а может быть, Го – все-таки фамилия, что и оправдывает такое употребление?), 3) второй и третий элементы в трехчленных антропонимических формулах (в данном случае Ху Мэн-кан; но ср. также: “Сун Дин-Бо из Наньяна в молодые годы как-то отправился ночью в

дорогу. Встретил оборотня и поинтересовался, кто он. <...> Оборотень осведомился, куда Дин-Бо держит путь...” [3, 216] суть вторичные имена, “поведение” которых непредсказуемо: ср. “Кан его не послушал” и “оборотень осведомился, куда Дин-Бо держит путь” [о транспонировке этих формул, а также об обращениях в современном китайском языке см., в частности: 8, 200-219].

Вряд ли операциональны/эффективны и такие – особенно в сочетании с антропонимами – единицы-статусивы, как *бо, ва, гун, ди, хоу, цзы*. Л. Меньшиков истолковывает их следующим образом: “бо – древний владетельный титул: повелитель одной из стран света. Следующий по рангу после титула ван (правитель середины)” (с. 303). См.: “Поймавший самца Чэньбао станет ваном, поймавший самку станет бо” (с. 122); “ван – высший титул правителя в древнем Китае (до империи Цинь), царь, князь. Впоследствии, в имперское время, начиная с Цинь, титул вана имели члены царствующего дома” (с. 303) (см.: предыдущий пример, а также: “В то время Яньский ван Дань замыслил мятеж...” (с. 100); “гун – второй после вана титул знати в древнем Китае” (с. 311) (см.: “Тогда Вэнь-гун выслал побольше солдат с топорами в руках” (с. 247)); ди – этот элемент не откомментирован, хотя и представлен в переводном тексте: “Во время правления Ханьского императора Сянь-ди под девизом Цзянь-ань...” (с. 192); “хоу – титул правителя третьего ранга (после вана и гуна) в древнем Китае. В более поздние времена, после установления в III в. до н.э. империи, титул хоу получали представители высшей придворной знати” (с. 347) (см.: “...Цзы-Вэню жалуются титул Чжундуского хоу...” (с. 84)); “цзы – удельный правитель четвертого ранга (после вана, хоу и бо)” (с. 353) (см.: “Жена этого Юньского цзы...бросила ребенка в горах” (с. 181)).

На мой взгляд, все эти экзотизмы-статусивы – избыточны. Они “зашумливают” текст такими конкретностями, которым вряд ли можно отыскать русские аналоги. Единственный напрашивающийся выход – считать их условно тождествен-

ными, заменяя эти экзотизмы – в зависимости от контекста – на государей (правителей), владык. К тому же один из них – ди – является дублирующим/тавтологическим элементом, ибо ди/хуанди – не что иное, как император, поэтому написать “во время правления Ханьского императора Сянь-ди...” равносильно тому, чтобы считать масло масляным: “во время правления Ханьского императора Сянь-императора...”.

Двойственно отношение переводчика и к лимнонимам: вариант “...из пещеры стал бить родник, вода которого наполнила озерко. И называется оно Пруд Золотого Дракона” (с. 182), правда с дефектным уравниванием (озерко ≠ пруду), конкурирует с вариантом “путь их прохрдил через озеро Пэнцзэху” (где ху – озеро, и, следовательно, “путь их проходил через озеро Пэнцзэ-озеро”), причем комментарий к лимнониму Пэнцзэху оказывается “пустым”, лишь отсылая к другому комментарию: ср. “Пэнцзэху – другое название озера Гунтинху (Поянху)” (с. 332) и “Гунтин, Гунтинху – древнее название озера Поян в северной части пров. Цзянси, южнее Цзяна (Янцзы). Северная часть озера нынче почти исчезла” (с. 311). Аналогичным образом переводятся и потанонимы: ср. “...эти места отрезаны от внешнего мира глубинами Слабых Вод” (лучше бы сказать: “Потоков” – Ю.С.) и окружены горами Языки Пламени” (с. 175) и “однажды в Чэнду приехал некий Ван Минь, человек реки Дажо” (с. 65) (см. также комментарий: “Дажо – другое название реки Жошуй в западной части пров. Сычуань” (с. 312)). Не менее показательна ситуация и с геотопонимами: “В период Ся, во время правления Цзе, исчезла гора Лишань. В правление Циньского Ши-хуана (иными словами, циньского императора Ши – Ю. С.). <...> В старые времена в уезде Шаньинь округа Гуйцзи появилась Странная Гора из Ланье...” (с. 96). Откомментирован этот фрагмент следующим образом: “Лишань – гора в западной части пров. Хубэй” (с. 323), “Саньшань – гора к юго-западу от Нанкина” (с. 333), “Странная гора – гора в уезде Шаньинь округа Гуйцзи, по другому названию Ушань. По преда-

нию, переместилась сюда от города Ланье в Шаньдуне” (с. 335)⁷.

Что же касается зоонимов, то их переводческие варианты варьируются от избыточных до полностью непрозрачных: 1) “Но ничего похожего на человека они не увидели, а только большую черепаху – бе...” (с. 187) (см. комментарий: “Бе – большая морская черепаха” (с. 302)), 2) “в землях Юэ, глубоко в горах, водится птица величиной с горлинка, черного цвета, называемая Еняо” (с. 168-169; если учитывать, что Еняо – это птица Е, то оказывается, что в горах водится птица, называемая Е-птица), 3) “в южных горах водится насекомое, которое одни называют туньей, другие – цзэшу, третьи – цинфу” (с. 174) (комментарии: Туньей – насекомое, напоминающее цикаду, другие названия – цзэшу, цинфу” (с. 342), “цзэшу – другое название для туньей” (с. 354), “цинфу – то же, что туньей” (с. 357)), “земляные осы, именуемые голо, – а в наши дни их называют еще иньюн – относятся к роду насекомых...” (с. 174) (комментарии: “Голо – земляные осы, по другому названию, иньюн” (с. 309), “иньюн – другое название земляных ос голо” (с. 319)).

Непрозрачной в когнитивно-когнитивном отношении и, тем самым, мало полезной для уяснения художественного мира Гань Бао оказывается, например, единица, которую следовало бы отнести к разряду беллумотивов (т.е. единиц, указывающих на воинское дело): “Буцуй из его личной охраны Ван Лин Сяо по неизвестной причине сбежал” (с. 256) (комментарий: “Буцуй – при Хань войсковое подразделение, отряды личной охраны военачальников, сохранявшиеся и во время Цзинь” (с. 303) еще более усиливает тавтологичность сказанного: “личный ох-

ранник из его личной охраны...”), а также статусив *шэжэнь* (“он был шэжэнем при Кан-ване, правителе области Сун” (с. 27) (комментарий: “Шэжэнь – древнекитайская должность во внутренней службе императорских дворцов (вроде постельничего)” (с. 370). См. также: “Шаофу – почетный придворный титул, “хранитель малой гардеробной” императора” (с. 368), отсылающий к шестнадцатой цзюани (№ 397): “Это канцелярия шаофу” (с. 225), что следовало бы, опираясь В. Даля (см. Толковый словарь..., 1955, 1, 344), перевести как “это канцелярия гардеробмейстера”, или истолкование хрематонима *кунхоу* (“...музыкальный двадцатиструнный инструмент типа гусель”, с. 321), о котором говорится во второй цзюани (№ 43): “...играли на флейтах и кунхоу, пели духам величальные песни” (с. 49). Ср. также: “Пушэ – служащий при правительственном ведомстве, приближенный министра” (с. 332), отсылающий к следующему контексту: “После ряда перемещений он получил место левого пуша высочайшей канцелярии...” (с. 227)⁸.

Эти дефекты наряду с непросчитываемостью/и “непрочитываемостью” экзотизмов являющихся лакунами [о них см.: 16], или агнонимами/атопонимами [см.: 11, 12], увеличивают непроницаемость текста “Записок”, а также снижают его художественный эффект, причем в значительной мере. Перечислить эти дефекты не представляется возможным, но на некоторые из них я все же укажу: 1) с. 28 – “все должны соблюдать *очищающий пост* и ожидать меня на берегу реки, соорудив там мо-

⁷ Этот фрагмент и комментарии к нему свидетельствует, по-видимому, о неустойчивости переводческих установок Л. Меньшикова или о его недостаточном переводческом чутье: наряду с эффектными в стилистическом отношении Странными Горами он может предложить и нечто невыигрышное: “Ныне западный смотритель Высочайшего храма Сунь Э получил указ о его назначении правителем горы Тайшань” (с. 208) (возможный вариант перевода: “...правителем Великогорья” – Ю.С.).

⁸ Эти претензии можно было бы отклонить под тем предлогом, что вышеуказанные экзотизмы так или иначе истолкованы в комментариях. Но истолкования – комментарии к ТЕКСТУ и В ТЕКСТЕ (а такие тоже встречаются) – вряд ли однопорядковы: первые находятся вовне художественной семиосферы, вторые являются ее неотъемлемой частью с учетом, конечно, того что они стилистически и когнитивно добротны, хотя это требование значимо и для комментариев к тексту. На мой взгляд, дефектны и “...должность во внутренней службе...”, и “после его падения ...вместе с ним покончила с собой” (с. 337), и “служил ...возлиятелем вина...” (с. 304) (был кравчим – Ю.С.), и “...получил место левого пушэ...” (назначен левым помощником министра – Ю.С.).

лельню”, 2) с. 31 – “...не хватает лишь *фарша окуня из реки...*”, 3) с. 33 – “...стали подниматься *облака испарений...*”, 4) с. 34 – “однажды он несколько раз посылал к Яню гонцов...”, 5) с. 41 – “...достав *три плода плюща...*”, 6) с. 44 – “чинно *взойдя в повозку...*”, 7) “тогда Бин *развернул шатер...*”, 8) с. 49 – “...переправился через бурное течение речки”, 9) с. 60 – “...достаньте кувшин *очищенного вина* и один *цзинь мяса*”, 10) с. 62 – “...на еду *жарили траву*”, 11) с. 68 – “...тебя на какой-то срок постигнут *злые беды*”, 12) с. 73 – “повелитель области засмеялся, *стиснув ладони...*”, 13) с. 75 – “*свадьба совершилась*”, 14) с. 82 – “эта комната в вашем доме, - сказала она, - *помещение...*”, 15) с. 83 – “...чиновник этой местности...”, 16) с. 92 – “...передаю вам десяток кистей красного цвета, пусть они останутся в *вашей* ставке. Можете раздать их вашим людям... В любом случае они избавят вас от *злых бед...*, у вас не будет неудач”, 17) с. 98 – “...если не ниспадают потоки дождей, реки и *канавы иссякают...*”, 18) с. 104 – “...произошла *узурпация Ван Мана*”, 19) с. 121 – “*сев на быструю повозку...*”, 20) с. 126 – “...появилась горлица и *остановилась* возле ее постели”, 21) с. 128 – “и был у него *табун* в несколько десятков *гусей...*”, 22) с. 148 – “*под плетнем западного загона* хранится просо” (см. в связи с этим: “Плетень...тын, забор или изгорода из хвороста, прутьев, перевитых между кольев; ряд кольев, заплетенных хворостом” (Толковый словарь..., 1955, 3, 125); “загоны...пажити, пастбища, луга” (там же, 1, 566). NB: загоны, пастбища, луга, как правило, плетнями не огораживаются), 23) с. 152 – “...дабы все ведали о *высоте* ее *почтительности* к родителям”, 24) с. 153 – “...помогал *готовить погребение умерших...*”, 25) с. 178 – они *пряли кору деревьев...*”, 26) с. 183 – неуместный рифменный стык: “соседская девочка с *перепугу* не посмела спасти *подругу...*” NB: стихотворные вставки в “Записках” переведены ниже среднего уровня, 27) с. 199 – “...придало мне еще одного *служку...*”, 28) с. 204 – “как-то *вскрыли* еще одно *погребение* и *обнаружили* там внутреннее *строение*”, 29) с. 210 – “я *получил пе-*

ремещение на должность письмоводителя”, 30) с. 218 – “Чжун *уезжал учиться в местность...*”, 31) с. 246 – “...кликнул отвечавшего по тому же *образцу...*”.

4. По-видимому, есть и еще одна причина ненатуральности русского текста “Записок”. Она обусловлена тем, что он сориентирован на копирование того принципа сужения ситуаций/их имплицитности, который характерен для китайского текста (недоговаривается ровно столько, сколько нужно недоговорить). Такой ход оказывается неэффективен, ибо для русского узуса и его художественных экспликаций характерны другие способы недоговаривания/другие способы персонажно-ситуационных конфликтов.

5. Если учитывать, что аналогичные дефекты можно найти и в других переводах, в частности, современной китайской прозы (см., например: Взлетающий феникс..., 1995) – то вывод будет неутешительным: и древнекитайскую прозу, и современную (вопрос отбора современных текстов особенно важен, ибо следует представлять веер художественных “точек зрения”) следует если не переводить заново, то заново редактировать. О переводах поэтических текстов и говорить нечего: они несостоятельны с любой точки зрения (и формальной, и содержательной). Остались живыми лишь те переводческие варианты (правда, не все), которые принадлежат А. Гитовичу и И. Голубеву, ибо были талантливы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой китайско-русский словарь. - М., 1984. - Т. 3.
2. Взлетающий феникс. Современная китайская проза. - М.: Изд-во МГУ, 1995.
3. Гань Бао. Записки о поисках духов. - СПб., 2000.
4. Гаспаров М. Брюсов и буквализм (по неизданным материалам к переводу “Энеиды”) // Поэтика перевода. Сб-к статей. - М., 1988.
5. Живое слово. Сборник стихотворений. - М., 1991.
6. Китайско-русский словарь / под ред. И.И. Ошанина. - М., 1952.

7. Ключанов И.Э. Динамика межкультурного общения. Системно-семиотическое исследование. – Тверь, 1998.
8. Курилова К.А. Обращения в современном китайском языке. – Владивосток, 1999.
9. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М., 1996.
10. Мамардашвили М.К. Стрела познания. Набросок естественноисторической гносеологии. – М., 1996.
11. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). – М., 1977.
12. Ружицкий И.В. Текст в восприятии носителей иной культуры: проблема комментирования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1994.
13. Сазонова Т.Ю. Моделирование процессов идентификации слова человеком: психолингвистический подход. – Тверь, 2000.
14. Самохвалова В.И. Красота против энтропии (введение в область мегаэстетики). – М., 1990.
15. Сепир Э. Язык и литература // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993.
16. Сорокин Ю.А. Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур (художественная литература в культурологическом аспекте) // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М., 1977.
17. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1955. – Т. 1, Т. 3.
18. Фаустов А.А. Авторское поведение Пушкина. Очерки. – Воронеж, 2000.